

Ночь первая

Не будь сегодняшнего дня, я к концу своей жизни вряд ли смог бы назвать ее полной. Хотя, конечно, неизвестно, что меня ждет дальше. Да и, не познав этого ощущения, я, скорее всего, и не знал бы, что упустил что-то, и не сожалел бы об этом. Но теперь, когда это чувство мне уже знакомо, я понимаю, как много потеряли те, кто не прожил подобных минут. Это когда ты заглядываешь в лицо собственной смерти, успеваешь понять, что она неминуема и спасти тебя может только чудо, — и это чудо происходит. Разумеется, чудо происходит не для всех, кто подвергся смертельной опасности. Это ты потом тоже понимаешь, но это делает ощущение полноты жизни лишь еще более интенсивным. Вообще, приятно чувствовать себя в числе привилегированных.

Я услышал странный, непривычный звук, и мне понадобилась пара секунд, чтобы сообразить, что это такое. Это стучали мои зубы.

Люди, которым, как мне, приходилось бывать и в Сибири, и за полярным кругом, знают, что нигде ты не мерзнешь так, как зимой в жарких странах. Здесь всё — и в архитектуре строений, и в мебелировке, и в домашней утвари, и в одежде — рассчитано на то, чтобы спастись от жары. Зимой, когда температура иногда падает ниже нуля, в жилых помещениях можно дать дуба. Что я и делал.

Жаркая страна, столь предательски не оправдывающая свою репутацию, называлась Исламская Республика Афганистан. Город Талукан, в котором я уже столько времени пытался заснуть, был центром северной провинции Тахар (местные говорят Тахор). А меня на этой операции звали Павел Сергеевич Литвинов, и я считался тележурналистом, приехавшим сюда, чтобы снять пару сюжетов и взять интервью у фактического руководителя страны Ахмад-шаха Масуда. Кстати, Талукан отдельные бойкие журналисты называли столицей Масудистана.

В Талукане нас поселили в официальном гостевом доме, в самой большой и светлой комнате, по сути, на застекленной летней террасе. Вдоль стен там стояли широкие диваны, на которых мы и намеревались спать. К счастью, мы послушались Хусаина — местного коменданта и ключника, еще не старого, но вечно мрачного, с лицом, заросшим со всех сторон черными лоснящимися волосами. Он молча принес нам три матраса и разложил их по сторонам небольшой черной печки, мы бы сказали, буржуйки. Печка была не чугунная, а из тонких металлических листов, скорее всего, из частей кузова легковых автомобилей. Натопленная перед сном настолько, что бока ее покраснели, она через пару часов — а я все ворочался, пытаюсь заснуть, — была совершенно комнатной температуры. То есть градусов пять в лучшем случае.

Я прислушался. Справа от меня раздавался хриплый, какой-то клокочущий храп. Там спал наш оператор Илья. Ему было не больше тридцати пяти, но он был уже почти лысым и таскал на себе лишних килограммов двадцать. Мы с ним провели нос к носу почти неделю, а я все еще не понял, что это за птица. Контакт

с Илей был односторонним: он слушал, но почти ничего не говорил. Так что в отсутствие поступков разобраться в нем пока было невозможно. На сей момент я отметил у него лишь пару хороших черт характера, в том числе: с окружающей средой у него конфликтов не было. Он заснул бы и на льдине.

Я осторожно откинул одеяло, закрывавшее меня с головой, и высунул нос наружу. В Душанбе из лени я перестал бриться, но недельная борода еще не греет. Не защищала и одежда. Я лег спать в джинсах и свитере, через час натянул поверх еще один, с воротником, облегающим шею. Однако у меня в запасе оставалась еще куртка — легкая, но гарантировавшая термоизоляцию при минус пятнадцати по Цельсию. Сейчас проверим! Я решительно откинул одеяло, вскочил рывком и в два прыжка стянул свою куртку, лежавшую на рюкзаках и сумках с аппаратурой.

Слева от меня раздался приглушенный смех. Там лежал третий член нашей группы, Дима, которого все звали Димыч. Невысокого роста, очень крепкий, уса-тый, с раскосыми глазами, этот парень неопределенной национальности был к тому же и неопределенной профессии. В нашей группе он числился ассистентом оператора, но на самом деле это была его первая съемка. Ценность Димыча в группе состояла в том, что он служил в ВДВ и два года, в 83–84-м, провоевал в Афганистане. В его активе было, соответственно, хоть какое-то знание страны и ее обычаев, а также почти спецназовская подготовка. Во всяком случае, он сразу, хотя в комнате еще было тепло, залез в постель в куртке.

— Я греюсь, представляя себя в горячей ванне, — сказал Димыч. По голосу было понятно, что он улыбается в свои усы.

— Везет тебе! — откликнулся я. — У меня воображение не настолько могучее.

— Я просто йогой немного занимался. Хочешь, куртку свою тебе дам?

Он действительно откинул одеяло.

— Да перестань! У меня фирменная, держит тепло до минус пятнадцати.

— Ну как знаешь!

Я застегнул молнию куртки до самого верха и, уже не полагаясь на авось, натянул на голову капюшон. Воздух, который втягивали мои ноздри, действовал как мятная конфета, только без вкуса мяты. Постельного белья не было, и я перед сном расстелил на подушке купленное в Душанбе полотенце. От моих бесконечных ворочаний оно давно сползло, так что капюшон был кстати и из гигиенических соображений. Я лег на подушку левой щекой, натянул на голову грубое, колючее, но зато шерстяное одеяло и старательно подоткнул его под бок с обеих сторон, чтобы не разбазаривать тепло. Заснуть, не согревшись, было немисливо.

Однако холод был не единственной причиной того, что я никак не мог найти сна. Впервые за свою долгую карьеру нелегала я подписался на задание — в сущности, на два задания, — которые, на мой теперь протрезвевший взгляд, были практически невыполнимы. Это в кино, мы понимаем, для героя все кончится хорошо. А здесь — я ясно отдавал себе в этом отчет — чем дальше я проникну в стремлении все же выполнить эти задачи, тем меньше у меня будет шансов выбраться отсюда живым. Самое интересное, на этот раз я мог не только отказаться ехать в Афганистан, но и вообще поставить крест на своей работе на Контору. В сущности, десять дней назад в Москве я стоял перед выбором:

отправиться навсегда загорать на Багамы или перейти по канату Большой Каньон — причем ночью и так, что об этом никто никогда не узнает. Вы поняли, что я выбрал.

Но что сделано, то сделано. У меня еще оставалась одна надежда на благополучный исход: отработать по своей версии по прикрытию, то есть снять репортажи, и даже не пытаться приступить к выполнению тайных поручений. Зная себя, я сомневался, что поступлю так. Но что скажет инстинкт самосохранения? К тому же в этой поездке со мной были еще два человека, чья судьба вряд ли будет отличаться от моей.

Идея забросить меня в Афганистан под видом тележурналиста была совсем неплохой. Профессия журналиста объясняла неизбежную любознательность и стремление попасть туда, куда не следовало бы. А оба других члена группы — и Илья, и Димыч — понятия не имели, кто я такой на самом деле, и поэтому должны были вести себя как нельзя более естественно.

Что еще нужно сказать, чтобы дальше все было понятно? Это был декабрь 2000 года, или священный месяц Рамадан 1421 года, последний декабрь и последний Рамадан перед 23 днем месяца джумада аль-ахира 1422 года, который западный мир запомнит как 11 сентября. Запомнит настолько, что прибавлять год станет уже ни к чему. Так вот, некогда обширная территория, контролируемая легендарным командиром моджахедов Ахмад-шахом Масудом — для него, кстати, этот Рамадан будет последним, — стянулась к тому времени, как шагреновая кожа, к узкой полоске Панджшерского ущелья и паре северо-восточных провинций. Президент Республики Афганистан Бурхануддин Раббани уже давно удалился в свою резиденцию в неприступном

Бадахшане, и Масуд, который официально был лишь министром обороны, практически исполнял обязанности главы государства. Чтобы разрешить эту коллизию, его еще называли лидером Северного альянса — союза полевых командиров, чьи отряды состояли из таджиков, узбеков и хазарейцев. Все эти народы живут к северу от горного хребта Гиндукуш, разрезающего Афганистан пополам. А южнее Гиндукуша живут кочевники-пуштуны. В этом-то, собственно, и состоит проблема Афганистана — это две страны в одной.

Проблему эту создали два Александра — II и III, так что по большому счету справедливо, что русским никак не удастся от нее отделаться. Во второй половине XIX века, когда Россия присоединяла Среднюю Азию, ей, по идее, нужно было идти до Гиндукуша. Однако завоевания царей всполошили англичан, и Александр III решил остановиться на правом берегу реки Пяндж. Если бы он не побоялся конфликта с Великобританией, то узбеки и таджики оказались бы все в одном государстве. А пуштуны — в другом, в Пуштунистане, о котором многие из них до сих пор мечтают. И тогда не было бы в том числе и этой войны, войны талибов-пуштунов против афганских таджиков и узбеков. Талибов поддерживал Пакистан, а Северный альянс — Россия: она не хотела, чтобы фундаменталистский ислам подобрался еще ближе к ее границам. Поэтому мы и смогли договориться о съемках.

Сегодня утром пошел уже седьмой день, как мы бессмысленно кантовались в бывшей интуристовской гостинице «Таджикистан» в городе Душанбе, ожидая вертолета. Он доставил бы нас на, как говорят в Таджикистане, сопредельную территорию всего за час, только этот час никак не наступал.

У меня создалось впечатление, что весь город Душанбе был огромной перевалочной базой для поставки российского вооружения и других грузов Масуду — бывшему грозному противнику, а теперь единственному союзнику в борьбе с мусульманскими экстремистами. Во всяком случае, и все таксисты, и работники гостиницы прекрасно знали Гуляма — очень живого, уже пожилого афганского таджика с густой, круглой, аккуратно подстриженной, совершенно седой бородой. Гулям расселял людей, готовящихся к переброске в Афганистан, и нанимал иногда десятки леваков-таксистов, чтобы доставить в аэропорт прибывающие по железной дороге грузы. Это была, как все уже поняли, весьма важная персона. Что весомо подчеркивали доставаемые им изо всех карманов два мобильных телефона, которые в Таджикистане воспринимались тогда как какаду на плече человека, пересекающего лондонскую Риджент-стрит. При всем при этом нравы в Таджикистане простые, и в городе большой человек Гулям был больше известен под фамильярной кличкой Дед Мороз.

Дед Мороз наверняка прокручивал и свои дела. Во всяком случае, нас он точно водил за нос. Он знал, что наша съемочная группа была приглашена самим Ахмадшахом Масудом, и, как мне казалось, должен был иметь на наш счет соответствующие инструкции. Очень простые — отправить нас в Талукан ближайшим вертолетом. Однако это лишь в теории.

Мы прилетели в Душанбе неделю назад поздно вечером. С Дедом Морозом — мы его тогда в лицо не знали — в аэропорту разминулись, или просто он встречал кого-то более важного, прилетевшего тем же московским рейсом. Но у меня был номер его мобильного, и, разместившись в гостинице, я позвонил ему.

Мы договорились связаться на следующий день в десять утра, и я лег спать в уверенности, что уже завтра мы будем на месте.

Но наутро накрапывал дождь, и Дед Мороз бодро сообщил мне — он хорошо говорил по-русски, — что в Талукане идет снег и вылетов оттуда сегодня не будет, так что и звонить больше не стоит. Давайте завтра в то же время! Назавтра в Душанбе всюду светило солнце, но ответ я получил тот же: в Талукане непогода, звоните завтра. На третий день я заподозрил неладное и пошел в афганское посольство.

Меня принял молодой, лет двадцати шести, парень, звали его Фарук. У него был неожиданно очень приличный английский, вряд ли выученный в Пакистане. Обилие сленга и общий раскованный стиль поведения скорее говорили о нескольких годах, проведенных в Штатах. Несмотря на восточные черты лица, Фарук и выглядел вполне западным человеком. Так что — я этого не ожидал — мы сразу стали говорить на языке, который был нам общим вдвойне. Я имею в виду как ряд западных ценностей и условностей, так и причастность к определенным службам. Хотя, надеюсь, поводов заподозрить меня в принадлежности к разведке я не дал. А вот Фарук в посольстве числился заместителем военного атташе, то есть вопрос был только в том, разведчик он или контрразведчик. Я склонялся ко второму варианту.

Фарук со смехом выслушал все мои подозрения по поводу того, что, несмотря на круглосуточный воздушный мост, налаженный между Душанбе и Талуканом, личным гостям Ахмад-шаха Масуда место на вертолете могло бы найтись только за приличный бакшиш. Нет, ничего подобного! Он, Фарук, тоже знал о нашей

группе. Более того, он сам собирался в Талукан ближайшим рейсом, но из-за непогоды прилет вертолета из Афганистана откладывался со дня на день. Мы расстались приятелями — и на том, что он без нас не улетит.

Потом наступил четвертый день, который казался нам уже сороковым, и пятый, и шестой. Каждое утро в десять мы были в полной боевой готовности: вещи сложены, заряженные аккумуляторы в сумке, оставалось только расплатиться за постой. Потом я звонил Деду Морозу, и в 10:10 мы снова расходились по своим номерам, раскладывали на полочке в ванной зубную щетку, пасту, мыло, Илья ставил на подзарядку аккумуляторы — они, оказывается, постоянно должны находиться на включенном заряднике. Потом втроем мы выходили в город.

От прежнего советского Сталинабада в нем оставались широкие, как Елисейские Поля, проспекты, псевдокоринфские колонны официальных зданий, просторные магазины, в которых можно было бы играть в теннис, тенистые, сейчас промозглые, парки с вековыми платанами и чайханами у молчащих по случаю зимы фонтанов. От вечного Востока, все больше возвращающего свои права, в Душанбе было явное преобладание мужчин: прогуливающихся не спеша, с достоинством, выпятив вперед живот, или, наоборот, суетливо, с мерцающей улыбкой торгующих за бесчисленными лотками вдоль всех улиц. То и дело с размашистыми движениями щеток вам призывно кричали чистильщики обуви — а мне-то казалось, что все они исчезли вместе с Советским Союзом моего детства. Новое время заявляло о себе бородатыми 30–40-летними мужчинами в камуфляже, черных шапочках на бритой

голове и с автоматами на плече — точно такими же, с какими русские снова воевали в Чечне. В Таджикистане боевики тоже были в оппозиции правительству, но пользовались перемирием: все устали от многолетней гражданской войны. При этом бородачи чувствовали себя вполне уверенно. Однажды — на третий или четвертый вечер нашего пребывания в Душанбе — они устроили банкет в ресторане нашей гостиницы. Странное это было ощущение. Человек пятьдесят вооруженных бойцов: не военных, не милиционеров — не имеющих никакого отношения к государству! А их предводитель приехал в гостиницу на бронетранспортере с государственным номером. Не знаю, был ли он выдан официально или просто кто-то в шутку снял номер со своих или чужих «жигулей» и прикрутил его на БТР.

Русских в Душанбе оставалось все меньше, до такой степени, что прохожие с любопытством разглядывали нас. Радужие в их взгляде проскальзывало не всегда. Да и в тех местах, где, побродив по городу пару часов, мы садились перекусить, особой любезности местные жители не проявляли. Так что день на четвертый мы фактически перестали выходить из гостиницы. Мы продолжали просыпаться в 8:30, в 9:00 завтракали в ресторане гостиницы, и после стандартного ответа Деда Мороза я распускал свою команду до вечера. Ребята валялись в номере и смотрели индийский MTV. Я, пользуясь случаем официально побывать в шкуре русского, купил в букинистическом магазине Толстого и Достоевского и запоем читал, уничтожая попутно горы кураги, изюма и миндаля. В нашей нью-йоркской квартире, разумеется, была целая полка русских классиков, но на английском. Я эти книги и не раскрывал, вызывая

удивление моей жены Джессики, которая в остальном считала меня вполне образованным человеком.

Джессика! Даже из Душанбе Нью-Йорк казался другой планетой. И на той, другой, планете моя жизнь добропорядочного гражданина США, владельца солидного турагентства и уважаемого отца семейства, была наделена не большей реальностью, чем эта. Выдуманная биография, чужое имя, тайные цели, фальшивые предлоги!

Для всех моих близких я пробовал новый маршрут по караванным тропам через пустыню Каракумы, предназначенный для любителей экзотики и экстрима. Это должно было объяснить невозможность связаться со мной по мобильному телефону. Последний раз я звонил Джессике вчера — только считалось, что я не в Душанбе, а в Ашхабаде. Это моя жизнь — она состоит из лжи: одной большой и целой кучи мелкого вранья.

И так, на седьмой день нашего отупляющего пребывания в Душанбе — стоп! это было сегодня утром, хотя, кажется, прошло уже несколько дней — я не выдержал. Номер одного из двух мобильных Деда Мороза — а я знал только один — молчал, и я, взяв у выхода из отеля левака, поехал в аэропорт. Левак — хорошо говоривший по-русски пожилой таджик, служивший когда-то в ракетной части под Москвой, — не раз подряжался для перевозки грузов на сопредельную территорию и поэтому сразу подвез меня к пролomu в бетонном заборе аэропорта. Судя по множеству отпечатков подошв разнообразных рисунков, я пользовался этим входом в запретную зону далеко не первым. На мои ботинки тут же налипли комья глины, и я заковылял к взлетной полосе, как человек, впервые вставший на коньки. Несмотря на все предосторожности, чтобы удержаться на ногах, мне то и дело приходилось судорожно махать руками, будто ветряная мельница.

Я все же растянулся во весь рост, перепрыгивая через арык, так что, когда наконец я добрался до двух стоящих на бетонной площадке вертолетов, мой правый бок вполне мог служить маскировкой на местности.

Дед Мороз был там. Он наверняка увидел меня еще издали, но сейчас сделал вид, что только-только

заметил мое присутствие. Ошибиться же, чем он был занят, было невозможно: он руководил посадкой пассажиров в выдавший виды Ми-8. Еще один вертолет стоял рядом.

Я думал, что Дед Мороз смутится, увидев меня. Ничуть не бывало!

— Где вы ходите? — закричал он. Мы с ним говорили по-английски.

— Как где я хожу? — крикнул в ответ я. Нас еще разделяло метров десять. — Я звоню вам с десяти утра, но ваш мобильный молчит.

— У него сел аккумулятор, — не моргнув глазом, соврал уважаемый человек Гулям.

Он пожал мне руку и картинным жестом указал на вертолет. Казалось, он собрал все силы, чтобы законное возмущение прозвучало всего лишь как вежливый упрек.

— Прилетели вертолеты, а вас все нет!

— А как, по-вашему, я должен был об этом догадаться?

Я был так зол, что не считал нужным вступать в лицемерные восточные игры.

— Я уже часа полтора звоню вам в гостиницу, а мне говорят, что их нет ни в номерах, ни в ресторане.

Это было чистое, наивное, нелепое вранье. Во-первых, во всех номерах «Таджикистана» были телефоны, и Дед Мороз записал мой в первый же день. А во-вторых, двадцать минут назад я еще был у себя.

Только тут я заметил в группе стоящих поодаль людей Фарука — того контрразведчика из афганского посольства, который поклялся не улетать без нас. Он широко улыбнулся мне и подошел поздороваться.

— А где ваша группа? — спросил он.

— Сидят в гостинице и ждут от меня новостей, — без тени язвительности, так же широко улыбаясь, сказал я. Я вообще быстро учусь нравам и обычаям страны пребывания.

— Звоните им скорее!

Фарук протянул мне мобильный. Я забыл в Москве зарядник для своего телефона. В Душанбе купить новый не удалось, а просить Контору выслать мне зарядник из Москвы я не стал. Мы ведь должны были вот-вот перелететь в Афганистан, а там сотовой связи точно не было.

Пока я набирал номер Димыча, Фарук сделал знак одному из окружающих его людей.

— Я пошлю за ними своего водителя, — сказал он мне. — Так будет быстрее.

— Мой таксист тоже ждет у дырки в заборе, вон там! — показал я. — Пусть он проедет мимо, чтоб и его забрать. У нас полно аппаратуры.

Фарук что-то сказал водителю, и тот не спеша — мужчинам не пристало проявлять торопливость — направился к забрызганной грязью «Волге», стоявшей на краю вертолетной площадки. В трубке раздался голос Димыча. Я прокричал ему, чтобы они с Ильей немедленно спуускали вещи в холл — свою сумку я перед уходом закинул в его номер.

Фарук внимательно слушал русскую речь — возможно, он понимал, хотя и не признавался в этом. Теперь он уже не казался мне вполне современным западным человеком.

— Я думал, мы договорились, что вы не улетите без нас, — не выдержал я.

— Конечно, мы полетим вместе на втором вертолете, — как ни в чем не бывало заявил Фарук. Но при

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru